

ББК 63.3(28-8Вор)5

Б.А. Ершов

Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Воронежской губернии в XIX в.

B.A. Ershov

Missionary Activity of Russian Orthodox Church in the Voronezh Province in XIXth Century

Рассматривается миссионерская деятельность Русской православной церкви в Воронежской губернии в XIX в. Показано, что важной предпосылкой развития религиозного инакомыслия в Воронежской губернии в исследуемый период стали изменения в образе жизни и менталитете широких слоев общества, произошедшие под влиянием великих реформ и индустриализации в России.

Ключевые слова: миссионерство, церковный раскол, приход, конфессия.

Русское православное миссионерство в XIX в. постепенно охватывает все уголки обширнейшей Российской империи и начинает выходить даже в некоторые соседние страны. Активная работа велась русскими миссионерами по обращению в православие малых народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Церковное просветительство и миссионерство всегда было важной составляющей духовной жизни российского общества, но наиболее организованные формы в густонаселенной центральной части страны приобрело в XIX в. Этот период церковной истории, отмеченный форсированной модернизацией страны, кризисом многих традиционных ценностей и ростом сектантства, во многом созвучен настоящему времени и поэтому заслуживает пристального внимания исследователей. Православные миссии были открыты в Японии, Иерусалиме, Корее, Соединенных Штатах. Русская духовная миссия в Китае активизировала свою миссионерскую деятельность. Обратим внимание на то, что словом «миссия» назывались как причты при некоторых заграничных церквях, которые состояли исключительно из лиц, принявших монашество, под началом архимандрита (такова Русская духовная миссия в Иерусалиме), так и миссионерские общества. Такие общества занимались распространением своего вероисповедания (в данном случае – православия) посредством создания учебных заведений, открытия больниц и госпиталей, оказания материальной помощи местным монастырям, церквям и духовенству.

В 1910 г. было обнародовано воззвание ко всем жителям России о том, что в Москве образовалось общество, имеющее целью помогать проповедникам веры и содействовать распространению православия

The article focuses on missionary activity of Russian Orthodox Church in the Voronezh Province in XIXth century. It is shown, that the important precondition of development of religious heterodoxy in the Voronezh Province at this time were the changes in a way of life and mentality of wide social classes, happened under influence of great reforms and industrialization in Russia.

Key words: missionary work, church dissidence, parish, faith.

за пределами страны. Это миссионерское общество состоит из 11000 тысяч представителей православной веры и расходует 250 тыс. руб. ежегодно. В воззвании говорилось, чтобы люди по возможности оказали помощь данному обществу. Для этого требуется установить ежегодный трехрублевый взнос. А тем, кто не в состоянии этого сделать, предлагалось жертвовать столько, сколько могут, поскольку и с небольшими пожертвованиями совершаются великие Божьи дела [1, л. 6]. Принято считать, что в Русской православной церкви существовало внутреннее и внешнее миссионерство: внешнее было направлено на инородцев внутри России и иностранцев за ее пределами, внутреннее же ориентировалось на работу против сектантов и раскольников.

Занимаясь исследованием «старой веры» в регионах, традиционн считающихся ее главными центрами, ученые до сих пор очень мало внимания уделяли остальным районам страны. В результате слабоизученной оказалась история провинциального старообрядчества густонаселенных центральных территорий России. Исследование прошлого «старой веры» в Воронежской губернии призвано в определенной мере восполнить этот пробел.

В начале XIX в. российское правительство предприняло попытку составить представление о масштабах распространения «старой веры» в империи. В 1812 г. специальным комиссиям удалось собрать соответствующие сведения по некоторым российским регионам, в числе которых оказалась Воронежская губерния. В «раскольничьи ведомости» здесь было занесено 8776 чел. Впрочем, полученные данные касались только тех, кто открыто признавал свое отпадение от

официального вероисповедания. Кроме того, получить более достоверные сведения тогда не представлялось возможным как из-за неэффективной системы учета, так и по причине отсутствия четких критериев, кого следует считать старообрядцами. Анализ результатов переписи 1812 г. свидетельствует, что переписчики часто смешивали со староверами представителей русских сект. Старое русское сектантство – собирательное понятие, введенное в научную литературу для обозначения религиозных сект, возникших в России в XVII–XIX вв. К таковым относятся христоверы, молокане, духоборы, субботники. Воронежская губерния до революции была наиболее крупным и устойчивым центром старого русского сектантства.

Новое сектантство принципиально отличалось от старых русских сект, которые возникали «стихийно и самочинно», не имея сколько-нибудь стройной догматической системы, отличались «дурным» мистицизмом и не выходили за границы империи. Таковы, например, хлысты, появившиеся в Воронежском крае в конце XVIII – начале XIX в. В 1803 г. воронежскому губернатору был направлен рапорт от богучарского уездного исправника, где сказано, что в слободу Ширяево Богучарского уезда прибыл миссионер Михаил Гранатовский, обратившийся к волостному старшине с просьбой собрать хлыстов для религиозной беседы. Хлысты в составе 18–20 человек собрались в помещении земской школы. Цель беседы состояла в укреплении православной веры и объяснении данной секте их лжеучения. В здании школы начались беспорядки, которые спровоцировали представители секты. Уездный исправник сообщал, что виновные привлечены к ответственности. Об этом сообщено в Харьковскую судебную палату и Острогожский окружной суд [2, л. 2об.]. Особняком стояли субботники, наследники древней новгородской «ереси жидовствующих» (XV в.), впоследствии полностью перешедшие в иудаизм. В Воронежской губернии они основали собственное поселение, известное в начале XIX в. как деревня Ильинка.

Систематический сбор данных о старообрядцах был организован при Николае I. В 1827 г. правительство получило данные о численности «раскольников» во всех российских губерниях. Согласно им, в Воронежской губернии проживало 11049 старообрядцев. Однако и эти сведения, и данные, получаемые правительством в последующую четверть века, также нельзя было назвать достоверными. Напротив, тенденция к занижению цифр явно усилилась, поскольку император одним из итогов своего правления хотел видеть победу над расколом и торжество официального православия. И государство, и духовенство оказались заинтересованы в сокрытии истинной численности «раскольников», результатом чего стало, по выражению П.Н. Милокова, «смехотворное противоречие официальных цифр с действительностью». Очень ярко

эту ситуацию характеризует тот факт, что автор «Истории Министерства внутренних дел» Н.В. Варадинов, приводя в своей книге сведения о численности старообрядцев в российских губерниях за 1839 и 1841 гг., даже не пытается подвести общего итога, аргументируя это полной недостоверностью статистики.

В 1853 г. вышел указ «О приведении в известность современного положения раскола», в котором губернским властям предписывалось реорганизовать систему учета старообрядцев с целью «привести в точную известность современное положение раскола». Результатом развернутой кампании стала интенсификация сбора сведений о старообрядчестве в российских регионах, а также некоторое увеличение статистических цифр, отражающих численность «ревнителей старины». В Воронежской губернии искомая статистика появилась только в 1856 г. Согласно представленным отчетам в Воронежской губернии таковых в 1856 г. было 935012 [3, с. 67].

Староверие, являясь конфессией притесняемой, по логике высших властей должно было неуклонно сокращаться. Однако на практике этого не происходило, поэтому сведения, подаваемые с мест по требованию различных высших инстанций, на которых основывалась статистика, во второй половине XIX в. часто сильно искажались в сторону уменьшения. В первую очередь это относится к приходским священникам, ответственным за сбор первоначальной информации. Рост численности старообрядцев в их приходах мог стать основанием для обвинения в «попустительстве расколу» и строгого выговора со стороны начальства. Поэтому они, а вслед за ними и благочинные церковных округов, чаще всего писали о том, что «раскол на подведомственной территории численно не растет», подавая прошлогодние или близкие к ним сведения. Кроме того, старообрядцами официально признавались только те «ревнители старины», над которыми не было совершено никаких таинств господствующей церковью. Староверы, крещенные в приходском храме или повенчанные там, в целях узаконения брака по церковным книгам числились «православными».

Такая ситуация с учетом староверов, свойственная многим губерниям империи, привела к сохранению в России большого количества «незаписных» старообрядцев. В одном из документов Воронежских миссионеров 1903 года, например, говорится, что «кроме официально зарегистрированных раскольников в пределах епархии немало тайных, которые хотя числятся православными, но мыслят и живут по-раскольничьи».

Во второй половине XIX в. историки, публицисты, общественные деятели начинают обращать внимание на принципиальные отличия в жизненном укладе старообрядцев и официально-православных подданных империи. В частности, эту перемену отразил в своей книге известный исследователь раскола

И.И. Юзов. В начале 1880-х гг. он писал о том, что его предшественники и старшие современники обычно обращали внимание на обрядовую разницу староверия и официального православия «и не замечали, или скорее не хотели замечать, что старообрядческое мирозерцание построено на совершенно иных началах, нежели то, которое положено в основание нынешнего общественного строя». По данным, собранным экспедициями Министерства внутренних дел еще в 1850-е гг., крестьяне, жившие рядом со староверами, считали, что «раскольничья вера – святая, настоящая христианская, что в одной только этой вере и можно спастись, и что вера православная или, по народному названию, вера по церкви, есть вера мирская».

Крестьяне-нестарообрядцы часто говорили: «мы не христиане... мы во Христа веруем, но мы по церкви, люди мирские, суетные... Христиане те, что по старой вере, они молятся не по нашему, а нам некогда» В этом смысле характерной можно считать фразу, сказанную православному миссионеру крестьянином из Воронежской губернии в 1878 г. в ответ на «противораскольническую» речь: «Если б не раскольники, мы бы и в церковь ходить перестали». А так посмотришь на них, и стыдно за себя становится» [4, с. 35]. Наличие старообрядцев в тех или иных населенных пунктах способствовало сохранению в них православных традиций. С другой стороны, независимость «ревнителей старинь» в религиозных вопросах являлась серьезным «раздражителем» для господствующей православной церкви и заставляла последнюю принимать меры для более тщательного церковного ознакомления прихожан.

Религиозное брожение в пореформенной России – явление иного характера. Православная церковь впервые столкнулась с целенаправленной экспансией западных религиозно-рационалистических течений, которые уже оформились догматически и организационно. Господствующее положение с 1871 г. заняли немецкие проповедники баптизма, сумевшие увлечь за собой значительное число православных (преимущественно из крестьянства и мелкого городского мещанства). К 1905 г. «Союз русских христиан, крещенных по вере» (баптистов) насчитывал в своих рядах 86538 человек (из бывших православных русских и немецких колонистов-лютеран).

Экспансия извне новых учений протестантского толка стала серьезным испытанием для Русской православной церкви, но одновременно дала импульс к доктринальному и практическому развитию православной миссии в непривычной для России ситуации. Во-первых, изменяется вектор миссионерского служения. Впервые православная миссия обращается не вовне (христианизация языческих народностей, входящих в состав империи), а вовнутрь: к укреплению в вере церковного народа и вразумлению отпавших от церкви. Во-вторых, возникла острая необходимость

в осмыслении тех социально-политических и внутрицерковных настроений, которые привели к массовому уклонению православных в секты протестантских толков» [5, с. 80].

В Сибири во второй половине XIX в. вели проповедническую деятельность сразу несколько духовных миссий. Так, правивший в 1860–1873 гг. Иркутской епархией владыка Парфений Попов выделил в ней Иркутскую и Забайкальскую миссии. При нем было крещено до 8000 бурят. При этом во всех бурятских приходах он начал с 1867 г. вводить богослужение на бурятском языке. Благодаря усилиям отца Парфения и его последователей Иркутская миссия к 1890 г. «имела уже 18 станов, а обращенных ею насчитывалось до 35000 душ. Миссия имела 14 школ и несколько благотворительных учреждений...». Забайкальская миссия, открытая в 1862 г. и возглавляемая епископом Вениамином (Благонравовым), также работала довольно успешно.

В середине XIX столетия сложились определенные предпосылки для налаживания православной проповеди среди народов Российского Дальнего Востока. С одной стороны, договорами с Китаем (Айгунский – 1858 г. и Пекинский – 1860 г.) была окончательно установлена русско-китайская граница по рекам Амуру и Уссури, с другой – незадолго до того, в 1840 г., в камчатском крае была открыта особая епархия, первым епископом которой был назначен владыка Иннокентий Попов-Вениаминов, выдающийся и исключительно самоотверженный миссионер. С именем владыки Иннокентия (1797–1879) связана история распространения православия среди народов Камчатки, Чукотки, Алеутских и Курильских островов. Он родился в Иркутске, здесь же закончил семинарию, в 1823 г. уехал проповедовать на остров Уналашку, и «с этого времени началась его миссионерская деятельность». Епископство отца Иннокентия на Дальнем Востоке и в Восточной Сибири продолжалось чуть более 27 лет (1840–1868 гг.). За это время он неоднократно совершал путешествия по просторам Камчатского, Якутского и Амурского краев. Среди якутов и тунгусов он заложил основы православной проповеди на якутском языке, что «нискало ему популярность среди туземного населения Восточной Сибири» [6, с. 115].

В годы деятельности отца Иннокентия православие проникло в Чукотский край. В 1850 г. там была открыта новая миссия для обращения чукчей, ламутов, юкагиров и других племен севера в православную веру. В 1855 г. Камчатская епархия увеличилась причислением к ней местностей по Амуру. Владыка Иннокентий сразу же предпринял туда миссионерское путешествие и положил основание Амурской миссии. В 1906 г. в Воронежской губернии было обнародовано воззвание на распространение православной веры между неверующими. В воззвании говорилось,

что внутри России в Поволжье, на Кавказе, в Крыму проживает много язычников. В Москве по предложению епископа Иннокентия было образовано Православное миссионерское общество, которое помогало проповедовать христианство в далеких сибирских краях. Так, в частности, по последнему отчету данного общества, было обращено в христианство около 2 тыс. чел. Епископ Иннокентий направил прошение во все епархии Российской империи о пожертвовании денежных средств на распространение православной веры. Прошение было направлено в Воронежскую духовную консисторию, которая «постановила установить тарелочный сбор во всех церквях Воронежской губернии» [7, л. 42].

В начале XX столетия активная деятельность православных миссионеров – церковных иерархов, священников, мирян – принесла добрые плоды: в полемике с сектантами углубляется богословская защита православия; постепенно преодолевается влияние западного рационализма в школьном богословии; создаются церковно-приходские школы; организуется выпуск просветительной духовной литературы для широкого круга читателей; оживляется приходская жизнь в сфере социального служения церкви. Важной предпосылкой развития религиозного инакомыслия в российской провинции в конце XIX – начале XX в. стали изменения в образе жизни и менталитете широких слоев общества, произошедшие под влиянием «великих реформ» и индустриализации в России. Распространение образования и либерализация общественной жизни создали условия для духовного раскрепощения («эмансипации»), а разрушение традиционной замкнутости, распространение отходничества, появление заводов и фабрик способствовало распространению новых религиозных идей. В этих условиях от церкви требовались продуманные и эффективные меры, направленные на укрепление религиозной веры в среде прихожан, сохранение влияния на умы широких масс, а также собственные миссионерские мероприятия для борьбы с ростом сектанства.

Соотношение религиозно-культурных сообществ находило свое отражение и в Воронежской губернии – классической российской провинции того времени. В 1899 г. в Воронеже было 27 православных приходов, два католических костела (польский и литовский), две синагоги, лютеранская кирха и молитвенный дом баптистов. Последние остались замкнутой религиозной группой, не включенной в культурно-исторический ареал. Именно поэтому русский баптизм остается творчески бесплодным.

Конфликтов на конфессиональной почве в Воронежской епархии не отмечалось. Каждая из традиционных конфессий представляла свой региональный культурно-исторический тип, и количественное соотношение религиозных общин отражало национальный состав городского населения. Психологически русский

человек считал естественным, что поляк идет в костел, немец в кирху, еврей в синагогу. Что касается русских сектантов, то в начале XX столетия религиозное брожение пореформенной России XIX в. улеглось, а новые религиозные организации не оказывали скольконибудь заметного влияния на развитие общественной жизни. В известном смысле миссионерские черты носила в конце XIX в. деятельность Североамериканской епархии Русской православной церкви (с 1898 по 1907 г. ею управлял будущий всероссийский патриарх Тихон), где была организована церковная жизнь православных переселенцев из разных стран Европы и Ближнего Востока, воссоединены с православной церковью 40 тысяч униатов-карпаторуссов, имели место случаи перехода в православие инославных американцев. Наконец, важную роль в деле сохранения православия на Ближнем Востоке в период усиления там католической и протестантской пропаганды имела деятельность созданного в 1881 г. Российского православного Палестинского общества, имевшая целью не только изучение христианского Востока и содействие русским паломникам, но и организацию образования среди православного населения Сирии, Ливана и Палестины, а также оказание материальной помощи местным православным церковным общинам. В 1891 г. в Воронежскую духовную консисторию поступило письмо от князя Сергея Александровича, где было изложено о том, что Святейший Синод разрешил состоящему под его покровительством императорскому православному Палестинскому обществу ежегодный сбор пожертвований во всех церквях империи в день входа Господня в Иерусалим. Средства общества от пожертвований расходовались исключительно на потребности православного населения святой земли. Также Святейший Синод возложил на общество заботу об удовлетворении материальных и духовных потребностей русских паломников, посещавших храм Гроба Господня в Иерусалиме. В Воронежской духовной консистории подписал данный указ протоиерей Евлампий Святозаров [8, л. 8].

XIX в. с точки зрения церковной истории был периодом крайне противоречивым, но наряду со многими неблагоприятными тенденциями этого столетия нельзя не отметить в качестве одной из главных его характеристик небывалое развитие миссионерско-переводческой деятельности православной церкви. Оно было одним из основных признаков эпохи митрополита Филарета Дроздова, в течение которой богословское образование стало не менее фундаментальным, чем светское, и между двумя образовательными системами наметился плодотворный диалог. Но филаретовская эпоха стала, скорее, не началом, а завершением данного процесса: яркие успехи православного миссионерства в отдаленных районах империи и за ее пределами во второй половине XVIII – начале XIX в., связанные с именами митрополитов Иннокентия

Вениаминова, архимандритов Иакинфа Бичурина, Вениамина Смирнова и ставшие результатом плодотворного соединения усилий церковной и светской науки, в свое время воспринимались как явления единичные и достаточно необычные. Если рассматривать активизацию миссионерской деятельности русской церкви в XIX в., то может создаться впечатление, что она, учитывая государственное положение последней, была связана с политическими видами царского правительства, стремившегося расширить и укрепить позиции православия в стране как составной части официальной идеологии. Однако подобный взгляд будет довольно односторонним. Эта деятельность не могла бы осуществляться без подлинного энтузиазма сравнительно немногочисленного отряда православных русских миссионеров [9, с. 221].

В XIX – начале XX в. Русская православная церковь столкнулась с серьезными «вызовами времени», обусловленными модернизационными процессами в государстве и обществе. Разрушение патриархального уклада в жизни широких масс, ослабление роли религии в обществе, рост сектантства и атеистических

настроений поставили перед ней более чем значимые проблемы. В процессе их решения православной церкви в течение двух последних десятилетий XIX столетия удалось создать довольно мощную систему религиозного просвещения и миссионерства, призванную способствовать сохранению традиционной православной идентичности населения центральной России. Если в предшествующий период духовно-просветительные мероприятия в том или ином населенном пункте зависели от близости крупного монастыря или рвения приходских священнослужителей, то в конце XIX – начале XX в. они становятся нормой для крупных сел и тем более городов. Важным фактором воцерковления молодежи, несмотря на ощутимые недостатки в работе, стала церковно-приходская школа.

В заключение можно отметить, что русские миссионеры в XIX в. внесли значительный вклад в развитие межкультурных связей России со странами Востока и других регионов мира. Благодаря их переводческой деятельности священные писание и огромный ряд духовной литературы были переведены на китайский, японский, финский, калмыцкий и другие языки.

Библиографический список

1. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). – Ф. И-84. – Оп. 1. – Д. 1954.
2. ГАВО. – Ф. И-6. – Оп. 1. – Д. 560.
3. Памятная книжка жителей Воронежской губернии за 1856 год. – Воронеж, 1856.
4. Памятная книжка Воронежской губернии за 1878–1879 год. – Воронеж, 1879.
5. Клибанов А.И. Русское православие: веки истории. – М., 1989.
6. Тальберг Н. История русской церкви. – М., 2004.
7. ГАВО. – Ф. И-84. – Оп. 1. – Д. 1938.
8. ГАВО. – Ф. И-84. – Оп. 1. – Д. 1945.
9. Иванова С.М., Мельниченко Б.Н. Россия и Восток : учебное пособие. – СПб., 2000.